

УДК 342.41(470)

ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВТОНОМНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РФ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются изменения правового статуса автономных образований РФ как субъектов нормотворческой деятельности в начале 1990-х гг. после развала Советского Союза. Анализируются полномочия нормотворческих органов автономных образований по Конституции РФ и другим нормативно-правовым актам того периода. Правовой статус автономных образований как субъектов нормотворческой деятельности рассматривается через происходившие изменения правового статуса путем разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации. Рассматриваются преимущества и недостатки договоров и соглашений как правовой формы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и регионами.

Ключевые слова: субъект нормотворческой деятельности, нормотворческие органы, автономия, разделение полномочий, конституция, нормотворчество, правовой статус, нормотворческие полномочия, нормативно-правовые акты.

Целями работы являются изучение изменения правового статуса автономных образований РФ в начале 1990-х гг.; анализ полномочий нормотворческих органов автономных образований по Конституции РФ и другим нормативно-правовым актам того периода, изменений правового статуса через разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации; рассмотрение преимуществ и недостатков договоров и соглашений как правовой формы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и регионами в 1990-х гг.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: С. А. Авякян, Л. Ф. Болтенковой, С. В. Иванова, Б. А. Кутафина, В. А. Кряжкова, Г. Марченко, О. Е. Страшуна, И. А. Умновой, М. Шухрай и др. Однако в работах названных исследователей подробный анализ рассматриваемого нами вопроса в должной мере не проводился.

После распада Советского Союза и образования Российской Федерации в стране начали проводиться масштабные преобразования правовой системы, затронувшие все без исключения сферы жизни образовавшегося государства. К этому периоду в Российской Федерации структура и состав автономных образований, а также статус нормотворческих органов автономных образований через сферу их нормативно-правового регулирования претерпели значительные изменения. Подобные преобразования были связаны с принятой 26 июня 1990 г. Декларацией о государственном суверенитете Российской Федеративной Социалистической Республики, которая провозглашала необходимость

существенного расширения прав всех входящих в РСФСР образований. Практическое воплощение эта установка получила в принятом 24 мая 1991 г. Законе РСФСР, который переименовывал автономные советские социалистические республики и автономные области (за исключением Еврейской автономной области) в советские социалистические республики [1], а также в принятом 31 марта 1992 г. Федеративном договоре «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации». Таким образом, в структуре автономных образований Российской Федерации, после обретения независимости, осталось только два вида автономий – автономная область и автономные округа. Исходя из принятых нормативно-правовых актов правовой статус нормотворческих органов автономной области и автономных округов, по сравнению с Советским периодом, претерпел кардинальные изменения в сторону расширения сфер правового регулирования. Прежде всего, подобное расширение связано с изменением правового статуса самих автономных образований. Принятые нормативно-правовые акты законодательно оформили новый государственно-правовой статус автономной области и автономных округов [2]. Положение Конституции 1978 г. о вхождении автономной области, автономных округов в состав краев и областей, носившее императивный характер, теперь, в соответствии с внесенными изменениями, стало диспозитивным и предоставляло автономной области и автономным округам право выхода из состава области, края и непосредственно входить в состав Российской Федерации (в октябре 1991 г. Еврейская автономная область воспользовалась своим правом и вышла из состава Хабаровского края, а в 1992 г. Чукотский автономный округ вышел из состава Магаданской области). Если в Советский период сфера ведения и нормативно-правового регулирования автономных областей и округов формировалась скорее по остаточному принципу (все, что не успело охватить нормотворчество центральных органов власти и включающих краев и областей регулировалось нормотворчеством автономий; нормативно-правовой акт, не зависимо от сферы правового регулирования, принятый нормотворческими органами автономных образований, не должен был противоречить актам вышестоящих органов), то после принятия федеративного договора о разграничении предметов ведения и полномочий объем полномочий нормотворческих органов автономий существенно расширился. В договоре предусматривалось разграничение сфер правового регулирования всех вопросов функционирования государства между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов на: исключительный предмет ведения Федеральных властей; смешанный предмет ведения Федеральных властей и автономной области, автономных округов; исключительный предмет ведения субъектов Федерации. К исключительной сфере правового регулирования автономной области и автономных округа относились все вопросы, не вошедшие в две первые группы.

Исключительные полномочия автономных образований определены их уставами на основе Конституции Российской Федерации и Федеративного договора, установленный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен в дальнейшем, если это не будет противоречить Конституции.

Примечательно, что при определенных обстоятельствах, а именно когда нормативно-правовой акт субъекта Федерации, изданный по исключительному предмету ведения субъекта, противоречит Федеральному закону, Федеративный договор признает более высокую юридическую силу за актами автономной области, автономных округов.

Таким образом, автономная область и автономные округа, относившиеся прежде скорее к административно-территориальным единицам, с заключением данного договора приобрели выраженные черты субъектов Федерации.

Статус автономной области и автономных округов как равноправных субъектов Федерации, включая их взаимоотношения с федеральными органами государственной власти, равноправие при нахождении в составе сложносоставного субъекта федерации с краем, в который они входят, были окончательно закреплены Конституцией РФ от 25 декабря 1993 г. О реальности такого равноправия в рамках сложносоставного субъекта свидетельствовал заключенный на трехсторонней основе «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Пермской области и органами государственной власти Коми-Пермяцкого автономного округа» [3]. Также, после принятия Конституции, правовой статус нормотворческих органов автономных округов и автономной области был повышен за счет закрепления за ними права принимать законы по смешанному предмету ведения Федеральных властей и властей автономной области, автономных округов и исключительному предмету ведения властей автономий.

Важное место в нормотворчестве автономных образований в начале 1990-х занимали договоры с федеральными органами власти. У принятых в это время Федеративных договоров, не смотря на явный прогресс в области упорядочивания взаимоотношений центра с автономиями, были и существенные недостатки. В рамках заключенного договора было невозможно предусмотреть и учесть все особенности автономной области и каждого из десяти автономных округов, которые существенно различаются по уровню социально-экономического развития. С учетом вхождения девяти автономных округов в состав сложносоставных субъектов (на тот период) различается и степень их интеграции в правовое пространство включающих краев и областей.

Подписанный субъектами Российской Федерации 31 марта 1992 г. в Москве Федеративный договор был включен в текст действовавшей тогда Конституции в качестве ее составной части. В Конституции РФ 1993 г. он упоминается в числе договоров, регулирующих вопросы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов (ч. 3 ст. 11 Конституции РФ). Из данной нормы вытекает возможность заключения индивидуальных двусторонних договоров между Российской Федерацией в целом и автономной областью, автономными округами, а также остальными субъектами федерации.

Следует отметить, что именно такие индивидуальные договоры о разграничении полномочий, как акты совместного нормотворчества федеральных органов власти и автономных образований, сыграли очень важную роль в

формировании статуса нормотворческих органов автономных образований в Российской Федерации.

Практика распределения нормотворческих функций через заключение подобных индивидуальных договоров, получившая широкое распространение особенно в первые годы после обретения Российской Федерацией независимости, вызвало в научных кругах, рассматривающих данную проблему, весьма противоречивое отношение к ним.

Так, С. М. Шухрай утверждает, что реальная жизнь значительно опережает темпы развития федеративного нормотворчества, и именно договоры способны заполнить возникающие пробелы в законодательстве по наиболее жизненно важным вопросам [4, с. 158].

Аналогичной точки зрения придерживалась и Л. Ф. Болтенкова, которая считает, что распределение нормотворческих функций через заключение подобных индивидуальных договоров создает гибкую модель федерализма и позволяет учитывать и согласовывать как интересы Федерации в целом, так и ее субъектов.

Однако в научных кругах существовала и другая точка зрения по отношению к практике договорного нормотворчества. Так, Г. Марченко писал, что договорный процесс положил начало «эрозии российского государства как конституционной федерации» и постепенно превращает его в «договорное конфедеративное объединение разностатусных квазигосударств» [5]. Порочной, пагубной для развития федеративных отношений в российском государстве признает договорную практику В. В. Иванов [6, с. 12].

И. А. Умнова писала о том, что основной тенденцией развития договорных форм регулирования является «разрушение “договорным правом” российской конституционно-правовой системы и вымывание договорами элементов государственного суверенитета Российской Федерации». Она подчеркивала, что в результате договорного перераспределения установленных Конституцией РФ предметов ведения и полномочий Российская Федерация «теряет важные элементы государственного суверенитета», поскольку, во-первых, подрывается авторитет Конституции, во-вторых, Федерация фактически сама себя лишает значительного числа «сфер влияния» и полномочий, зачастую составляющих основы федеральной Конституции: «Появление двусторонних договоров, самостоятельно существующих наряду с Конституцией в федеративном государстве, отрицает его природу как конституционного или конституционно-договорного государства, где Конституции отдается приоритет над договором. Неоправданно широкое использование данной правовой формы доказывает негативную роль в разрушении конституционно-правовой системы разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Основная особенность ревизии конституционно-установленных предметов ведения выражается в несоблюдении юридических канонических формализации и пределов регулирования» [7, с. 170–171]. В другой работе И. А. Умнова подчеркивает, что «договоры и соглашения как правовая форма разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти должны использоваться как дополнительная форма в том случае, если закон явно недостаточен для урегулирования отношений» [8, с. 43].

К недостаткам договорных форм регулирования можно отнести и то, что наличие таких индивидуальных договоров о разграничении полномочий не

способствовало соблюдению задекларированного в Конституции РФ принципа равноправия субъектов федерации, а многие их положения носили откровенно декларативный характер. Как правило, для присутствовавших в договорах положений не был предусмотрен механизм их реализации. Обозначенные недостатки усугублялись еще и присутствием в договорах расплывчатых формулировок, допускающих двойное толкование содержания некоторых положений. Все это в совокупности не позволяло эффективно использовать потенциал, заложенный в данном виде нормотворчества, но в то же время помогло пережить сложные времена, справиться с региональным сепаратизмом и сохранить единство государства.

Автор солидарен с мнением О. Е. Кутафина о том, что договоры о разграничении предметов ведения и полномочий имели изначально временный характер и отражали сложности перехода унитарного государства к федеративному и федеративным отношениям. И как только в России сложится целостная система федерального и регионального законодательства, стабилизируются экономические и политические условия, отпадет и необходимость в такого рода договорах. Вопросы разграничения предметов ведения и полномочий будут регулироваться, как в других федеративных государствах, законодательством, которое будет в полной мере отражать региональную специфику [9, с. 322].

Следует заметить, что к концу 1990-х вместе с усилением позиций федеральной власти стала меняться и ситуация с индивидуальным договорным нормотворчеством. Руководители субъектов Федерации, подавляющее большинство которых считали, что индивидуальное договорное нормотворчество необходимо, изменили свое мнение на этот счет. Так, уже в июле 2001 г. губернаторы Пермской, Ульяновской и Нижегородской областей, а также Президент Республики Марий-Эл заявили о намерении добровольно расторгнуть договоры о разграничении предметов ведения и полномочий с федеральным Центром. Свое решение они объяснили «целями обеспечения верховенства Конституции и федеральных законов».

Споры о пользе договорного нормотворчества обозначили и другой не менее спорный вопрос относительно места и юридической силы актов совместного договорного нормотворчества в системе нормативно-правовых актов Российской Федерации. Нередко происходило так, что некоторые положения договоров о разграничении полномочий явно противоречили Конституции РФ или отдельным федеральным законам. На начало 2001 г., помимо Федеративного договора, федеральным центром было заключено 42 договора о разграничении предметов ведения и полномочий с 46 субъектами Российской Федерации [10, с. 73], из которых, по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только 4 полностью соответствуют Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. В большинстве заключенных договоров осуществлялось перераспределение установленных Конституцией Российской Федерации предметов ведения и полномочий: предметы исключительного федерального ведения передавались в совместное ведение и исключительное ведение субъектов Федерации, а предметы совместного ведения – в исключительное ведение субъектом Российской Федерации.

Интересную позицию в этом вопросе занимал Б. А. Страшун. «На практике, – пишет он, – договорами нередко изменяется разграничение компетенции Российской Федерации и ее субъектов, установленное статьями 71–73 федеральной Конституции. Оно имеет преимущество перед разграничением, содержащимся в Федеративном договоре. Отсюда следует, что положения соответствующих договоров имеют более высокую юридическую силу, чем упомянутые статьи Конституции, не говоря уже о положениях Федеративного договора. Такой вывод вытекает из ч. 3 ст. 11, находящейся в главе 1, которая представляет собой как бы Конституцию в Конституции, ибо ее юридическая сила выше, чем у остальной части Конституции. Следовательно, отступления в договорах от норм статей 71–73 Конституции нельзя рассматривать как ее нарушение». Б. А. Страшун согласен с тем, что «конституционный способ разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами имеет приоритет перед договорами, но выражается это только в том, что договорное разграничение компетенции опирается на положение части 3 статьи 11 Конституции. «Отсюда, – считает он, – отнюдь не следует, что договоры, о которых идет речь в части 3 статьи 11, обладают меньшей юридической силой, чем федеральный закон» [9, с. 319].

С точки зрения В. А. Кряжкова, юридическая сила договора, при надлежащей процедуре его заключения, должна быть ниже Конституции, но выше закона, так как в ином случае любые договоренности можно будет нарушить федеральным законом, что в свою очередь сведет на нет весь смысл договорного регулирования [11, с. 9].

С. А. Авякян, Б. С. Крылов, О. Е. Кутафин и многие другие авторы, исходя из превалирования Конституции над всеми другими правовыми актами, полагают, что договоры должны занимать подчиненное по отношению к Конституции и федеральным законам положение [9, с. 323]. Эта позиция видится нам более близкой, так как в п. 3 ст. 11 Конституции РФ, на который многие сторонники верховенства договорного регулирования ссылаются, приводится только перечень нормативно-правовых актов, на основании которых должно осуществляться разграничение предметов ведения и полномочий, в то время как в общем положении п. 2 ст. 4 Конституции РФ прямо указывается на верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации.

Использование совместного договорного нормотворчества автономных образований и федеральных органов власти, при разграничении сфер правового регулирования, выявило наряду с достоинствами и ряд существенных недостатков. Вместе с гибкостью в учете специфики каждого автономного образования, возможностью своевременного устранения пробелов в федеративном законодательстве в нормах Конституции допускалась нечеткость в изложении многих норм, что позволило органам власти автономных образований, как, впрочем, и других субъектов федерации, при осуществлении нормотворческой деятельности обходить многие положения Конституции, тем самым нарушая единое правовое пространство государства и способствуя его ослаблению. Считаем, что индивидуальное договорное нормотворчество можно и нужно использовать в целях регулирования определенных отношений между Федерацией и ее субъектами, поскольку прогрессивное развитие права вообще и регламентируемых им

федеративных отношений сегодня заключается в расширении сферы договорных отношений, в основе которых лежит принцип согласия и свободы, однако при четком соблюдении определенных рамок.

Думается, что подобное договорное нормотворчество должно базироваться исключительно в рамках Конституции РФ и федеральных законов и только для конкретизации их отдельных положений, связанных с разграничением пределов ведения и полномочий между Российской Федерацией и автономными образованиями в целях наиболее полного учета региональных, национальных и других особенностей. Иными словами, практика договорного нормотворчества в сфере регулирования федеративных отношений нуждалась в существенном ужесточении и совершенствовании, в процессе которого следовало четко разграничить порядок использования договоров, определив предмет, стороны, процедуру и другие параметры этих актов, добиться большей четкости и определенности их положений, что обеспечило бы эффективность этих актов как инструментов правового регулирования, созданных на базе и в строгом соответствии с Конституцией РФ и федеральным законодательством.

Некоторые из перечисленных недостатков решил Федеральный закон от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Отличительной особенностью закона является то, что в нем была подвергнута серьезному преобразованию сама концепция договорного регулирования. Окончательно был положен конец спорам о месте и юридической силе актов индивидуального договорного нормотворчества в системе нормативно-правовых актов Российской Федерации. Если раньше договоры о разграничении полномочий между федеральным Правительством и органами государственной власти субъектов Федерации рассматривались последними как документы, имеющие чуть ли не высшую юридическую силу, то закон «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации», во-первых, ввел нормативное определение понятий «договор» и «соглашение» и, во-вторых, однозначно определил систему и иерархию нормативных актов в Российской Федерации. Под договором о разграничении предметов ведения и полномочий теперь стала подразумеваться правовая форма разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, а под соглашением о передаче осуществления части полномочий – правовая форма передачи федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации друг другу осуществления части своих полномочий.

В соответствии с Законом договор не могли передавать, исключать или иным образом перераспределять установленные Конституцией РФ предметы ведения Российской Федерации, предметы совместного ведения. Не мог быть заключен договор, если его заключение вело к изменению конституционно-правового статуса субъекта Федерации, ущемлению или утрате установленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина, нарушению государственной целостности

Российской Федерации и единства системы государственной власти в Российской Федерации. Тем самым закон закреплял принцип конституционности, которому должна была соответствовать практика заключения договоров.

Среди прочего закон предусматривал процедуру разрешения споров, связанных с разграничением предметов ведения полномочий, передачей части полномочий. Согласно закону, споры должны были решаться заинтересованными сторонами путем проведения переговоров и использования иных согласительных процедур. В случае необходимости стороны могли создавать согласительные комиссии. При недостижении согласованного решения Президент РФ мог передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда.

Таким образом, после распада СССР и образования Российской Федерации статус, а следовательно и сфера правового регулирования нормотворческих органов автономных образований определялись Конституцией РФ, федеральными законами, федеральным общим либо индивидуальными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий, соглашениями о передаче федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ друг другу осуществления части своих полномочий, уставами автономных образований. Принятие последних, как и определение системы государственных органов автономий, осуществлялось, в отличие от советского периода, высшими нормотворческими органами автономных образований самостоятельно с учетом общих положений Конституции РФ и в утверждении центра не нуждалось.

Таким образом, после распада Советского Союза и провозглашения государственного суверенитета Российской Федерацией в стране начали проводиться масштабные преобразования правовой системы, в результате которых структура и состав автономных образований, а также статус нормотворческих органов автономных образований через сферу их нормативно-правового регулирования претерпели значительные изменения. Изменения статуса нормотворческих органов были направлены в сторону как расширения сфер правового регулирования, так и изменения роли принимаемых нормативно-правовых актов. На нормотворческие органы автономных образований, несмотря на отсутствие в Советский период подобного опыта, были возложены несвойственные подобному уровню территориальных образований полномочия, в силу которых пришлось заново самостоятельно формировать статус образований, а также выстраивать отношения с федеральными органами власти. Для решения этих задач, кроме придания нормотворческим органам автономных образований права принятия законодательных актов, в правовое поле автономий был введен целый ряд новых категорий нормативно-правовых актов, особое место среди которых заняли договоры и соглашения.

Анализ, изучение и учет опыта становления и совершенствования правового статуса автономных образований РФ в начале 1990-х гг. может сыграть положительную роль в интеграционных процессах, проводимых в Республике Крым и городе Севастополе после их вхождения в состав Российской Федерации в 2014 году.

Список литературы

1. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991. – № 22. – ст. 776.
2. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992. – № 20. – ст. 1084.
3. «Российские вести» от 25 июля 1996. – № 15.
4. Шахрай С. М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма // Федерализм власти и власть федерализма. – М., 1997. – С. 158.
5. Марченко Г. Региональные проблемы становления новой российской государственности // Моск. обществ. науч. фонд. – М. – 1996. – № 4. – С. 154–156.
6. Иванов В. В. Автономные округа в составе края, областей – феномен «сложносоставных субъектов Российской Федерации». – М.: МГУ, 2002. – 256 с.
7. Умнова И. Л. Конституционные основы современного российского федерализма. Учеб.-практ. пособие. – М.: Дело, 2000. – 304 с.
8. Умнова И. Л. Современная российская модель разделения власти между федерацией и ее субъектами (актуальные правовые проблемы). – М., 1996. – С. 43.
9. Кутафин О. Е. Российская автономия: Монография. – М.: Проспект, 2006. – 768 с.
10. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. Ред. В. В. Лазарев. – М., 2001. – 685 с.
11. Кряжков В. А. Договор как форма перераспределения полномочий в системе государственной власти // Материалы научно-практической конференции «Договорные формы развития федеративных отношений в России». – М.: Проспект, 1999. – С. 6-18.

Sharmoyants A. Change of legal status of autonomous regions of the Russian Federation in the beginning of the 1990th years. // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2. № 4. – P. 35–43.

In the work one researches the experience of the development and changes in the legal status of the autonomous regions of the Russian Federation as subjects of lawmaking activity in the early 1990s, after the collapse of the Soviet Union and the formation of the Russian Federation. The author analyzes the powers of the lawmaking organs of autonomous regions in accordance with the Constitution and other normative legal acts of that period. The legal status of autonomous regions, as subjects of lawmaking activity, is considered through the changes in the legal status that have occurred, by delineating the subjects of jurisdiction and authority between the federal bodies of state power of the Russian Federation and the authorities of the autonomous region within the Russian Federation. We consider the advantages and disadvantages of treaties and agreements as a legal form of delineation of powers and powers between the federal center and the regions are considered.

Keywords lawmaking subject, lawmaking organs, autonomy, division of powers, constitution, lawmaking, legal status, lawmaking powers, normative legal acts.

References

1. Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR, 1991, No. 22, St. 776. (rus)
2. Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR, 1992, No. 20, St. 1084. (rus)
3. «Rossijskie vesti» ot 25 iyulya 1996. – No. 15. (rus)
4. Shahraj S. M. Rol' dogovornyh processov v ukreplenii i razvitii rossijskogo federalizma, S. M. Shahraj, Federalizm vlasti i vlast' federalizma, M., 1997, Pp. 158. (rus)
5. Marchenko G. Regional'nye problemy stanovleniya novoj rossijskoj gosudarstvennosti, Mosk. ob-shchestv. nauch. Fond, M., 1996, No. 4, Pp. 154–156. (rus)
6. Ivanov V. V. Avtonomnye okruga v sostave kraja, oblastej – fenomen «slozhnosostavnyh sub"ektov Rossijskoj Federacii». – М.: МГУ, 2002. – 256 p. (rus)
7. Umnova I. L. Konstitucionnye osnovy sovremennogo rossijskogo federalizma. Ucheb, prakt. posobie. – М.: Delo, 2000, 304 p. (rus)
8. Umnova I. L. Sovremennaya rossijskaya model' razdeleniya vlasti mezhdru federaciej i ee sub"ektami (aktual'nye pravovye problemy). – М., 1996, Pp. 43. (rus)
9. Kutafin O. E. Rossijskaya avtonomiya: Monografiya. – М.: Prospekt, 2006, 768 p. (rus)
10. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii, Otв. Red. V. V. Lazarev. – М., 2001, 685 p. (rus)
11. Kryazhkov V. A. Dogovor kak forma pereraspredeleniya polnomochij v sisteme gosudarstvennoj vlasti // Materialy

nauchno-prakticheskoy konferencii «Dogovornye formy razvitiya federativnyh otnoshenij v Rossii». – M.: Prospekt, 1999, Pp. 6–18. (rus).